

Джун
Шэн

Тёмные
тропы

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш98

Редактор серии *Алина Литвинова*

Оформление серии *Екатерины Петровой*

Иллюстрация на переплете *takstaks*

Шэн, Джули.

Ш98 Тёмные тропы : роман / Джули Шэн. — Москва :
Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-232902-9

Сеул никогда не спит.

В свете неоновых вывесок шепчутся бессмертные духи, а сюжеты древних корейских мифов оживают прямо на улицах мегаполиса.

У Кан Дохёна и его младшей сестры Хары здесь особая миссия — охотиться на нечисть, жаждущую заполучить власть над миром людей. Но чем глубже они погружаются в тайну, скрытую в собственной крови, тем отчётливее понимают, что охота ведётся уже за ними.

Сумеют ли Дохён и Хара остановить тьму, прежде чем она поглотит их самих?

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-232902-9

© Шэн Д., текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

*Всем старшим детям,
которым пришлось повзрослеть
слишком рано.*

Stray Kids — Hellevator

Kim Feel — Destiny

BTS — FAKE LOVE

Song Sohee — Dear My Lover

DEAN — DIE 4 YOU

Song Sohee — Against the Dark Ocean

Kwon Doil — Addiction

Song Sohee — Infodemics

Minnie — Answer

niahn, Owen — CBH (Come Back Home)

Мелкий холодный дождь оседал на крышах тесно прижатых друг к другу домов. Узкие улочки старого квартала Хвангхак-дон были пусты, и лишь ветер гнал вперёд мокрые листья, будто желал скрыть следы, которые оставляли за собой двое, идущие по тёмным переулкам. Лампы редких фонарей мерцали, их свет выхватывал из мрака неровные маслянистые разводы на асфальте.

Хара крепче сжала ляжку рюкзака, чувствуя, как по спине пробежала дрожь. Этот город, такой знакомый с детства, теперь казался чужим. Тьма здесь была живая. Она будто следила за ними. Хара ощущала это каждой клеточкой тела.

Дохён шёл впереди. Его силуэт был едва различим в полумраке, но Хара настолько хорошо знала старшего брата, что могла предугадать каждое его движение. За время, прошедшее с исчезновения их отца, Дохён

изменился: стал жёстче, молчаливее, словно сам превратился в одну из тех теней, на которые они охотились.

— Ты чувствуешь? — прошептала Хара, но в тишине переулка её голос прозвучал слишком громко.

Дохён замер. На мгновение улица будто задержала дыхание вместе с ним. Хара заметила, как он медленно сжал рукоять кымганчжо¹. Оружие вспыхнуло в неровном свете, металлический отблеск дрогнул, будто подчиняясь неведомой силе.

— Здесь что-то есть, — ответил он, не оборачиваясь и продолжая всматриваться вперёд.

Тьма шевельнулась.

Сначала Хара подумала, что это просто игра света или её воображения, но затем она услышала звук: хриплое, леденящее душу дыхание. Из-за угла показался силуэт. Существо было слишком высоким для человека, его конечности выгибались под неестественными углами, как у сломанной куклы, а глаза, чёрные впадины, прожигали Хару взглядом.

— Держись позади меня, — коротко бросил Дохён и перехватил кымганчжо.

Существо приближалось медленно, растекаясь по земле, как плотный дым, и с каждым шагом его присутствие ощущалось всё сильнее. Воздух вокруг сгустился, становясь тяжёлым и затхлым, как в глубоком колодеце. Хара готова была поклясться, что слышала голос — зловещий шёпот, зовущий её в темноту, но, глянув на брата, поняла, что Дохён ничего не слышал.

¹ Ритуальный меч (кор.). Здесь и далее примечания автора, если не указано иное.

ТЁМНЫЕ ТРОПЫ

Шагнув назад, Хара замерла. Ноги налились тяжестью, и пошевелиться больше не получалось, но её будто тянуло к существу. Дохён резко обернулся. Он что-то сказал, но слова растворились в тягучем вязком воздухе. Хара видела лицо брата, видела, как в его глазах мелькнула тревога. *Он тоже слышал?* Нет. Он просто заметил, как она застыла, не в силах сдвинуться с места.

— Не поддавайся, — его голос был едва слышен, но в нём сквозила стальная уверенность.

Существо наконец остановилось в нескольких шагах от них и протянуло руки, будто хотело дотронуться до Хары. Неверный свет фонарей очерчивал его туманный силуэт, и Хара ясно видела, как полупрозрачные пальцы чудовища трясутся, стремясь коснуться её. И тогда она отчётливо разобрала тот шёпот, услышанный раньше.

— Ты одна из нас...

— Нет! — выкрикнула Хара и резко открыла глаза.

Мрак рассеялся. Тусклый лунный свет из окна озарял хорошо знакомый потолок. В воздухе повисла оглушающая тишина, наполненная лишь прерывистым дыханием Хары.

В первые мгновения она просто смотрела вверх, пытаясь понять, где находится, и осознать, что произошло. Холодный пот скатывался по шее, впитываясь в наволочку. Дрожащими руками Хара убрала мокрые пряди со лба и села, неловко стянув одеяло с ног. Подобные сны с недавних пор снились слишком часто, и с этим надо было что-то делать. *Но что?* Говорить о них брату совершенно не хотелось. Дохён и так в последнее время был сам не свой и подозрительно косился на неё.

Задержав дыхание, она на несколько секунд зажмурилась, словно надеялась, что, открыв глаза вновь, увидит свою обычную комнату без какого-либо намёка на потустороннее. Однако холод кошмара не отпускал. Тени в углах, смазанные лунным светом, казались гуще, подвижнее и словно шевелились в такт её бешеному пульсу. Харе казалось, что в груди у неё билась в страхе маленькая пичужка, запертая в клетке рёбер и перепуганная до смерти тем, что обычные люди считали просто вымыслами.

Всё было слишком реальным.

Хара поёжилась и, потянувшись к тумбочке, нащупала стакан, поднесла к губам, но он оказался пустым. Понимая, что шансов снова уснуть нет, она встала с кровати, опустив босые ступни на тёплый пол, и удивлённо посмотрела вниз: ещё вечером он был холодным. *Дохён включил ондоль*¹?

Хара шагнула к стулу, стоявшему у стола, заваленного учебными материалами, схватила халат и вышла в коридор.

Ночью их старый дом жил своей жизнью.

Когда солнце заходило за горизонт, привычные вещи начинали казаться иными. Деревянные балки, сохранившие память множества лет, скрипели, будто переговаривались между собой на языке, понятном только им. В ветреную погоду особенно сильно создавалось ощущение, что кто-то тихо бормочет под потолком: старческий голос, глухой, усталый, словно сетовал на своих хозяев.

Тихо, почти бесшумно, Хара крадась на кухню мимо комнаты Дохёна, сжимая в руках пустой стакан, но, за-

¹ Система тёплых полов в традиционных корейских домах.

ТЁМНЫЕ ТРОПЫ

метив приглушённый свет в гостиной, остановилась. Посмотрев на холодильник в дверном проёме кухни, Хара обратила внимание на электронные часы на его дверце: четыре сорок четыре утра. Холодок пробежал вдоль позвоночника от такого неприятного совпадения: столько четвёрок не сулили ничего хорошего¹.

Когда она подошла ближе и осторожно выглянула из-за угла, увидела, что рядом с диваном у низкого столика расположился Дохён. Он сидел на циновке, спиной к дверному проёму, склонившись над ворохом бумаг, свитков и старых книг, которые, похоже, были связаны с отцом. Дохён каждую свободную минуту посвящал изучению старых отцовских дел в поисках ответа на главный вопрос: куда пропал Кан Инсо? Но пока ничего конкретного найти не удалось.

Дохён выпрямился, потянулся и зевнул. Очевидно, он ещё не ложился.

Хара тихо вздохнула. Ещё один долгий день, в котором они оба пытались скрыть своих демонов.

Она аккуратно отступила в тень, чтобы незаметно проскочить на кухню и не мешать брату, но тот внезапно обернулся через плечо.

— Не спится? — спросил он хрипло, внимательно наблюдая, как Хара, застигнутая врасплох, качнулась с пятки на носок и шагнула к нему.

Оставалось только удивляться, как быстро он почувствовал её присутствие.

¹ В корейском языке цифра четыре произносится как «са» (사), что созвучно иероглифу, означающему «смерть» (死). Отсюда проистекает множество суеверий, связанных с этой цифрой. *Прим. ред.*

— Да, — тихо ответила она, виновато улыбнувшись. — Тебе тоже?

— Погода беснуется, — Дохён устало хмыкнул, глянув в окно, — решил провести ночь с пользой.

— Похоже, мы оба забыли, что такое нормальный сон, да? — проговорила Хара и аккуратно присела рядом, держа стакан обеими руками. Некоторое время они молчали. — Давно сидишь? — наконец спросила она, не сводя глаз с бумаг, разбросанных на столике.

Среди них были пожелтевшие страницы с рукописными пометками, ветхие фотографии и несколько старинных книг в потрёпанных обложках. Сверху лежала узкая тетрадь с аккуратно написанными иероглифами, которые Хара с ходу не смогла разобрать.

— Почти всю ночь. — Дохён покосился на стакан в её руках и потянулся куда-то вниз, а потом поставил на стол бутылку с водой. — К нам обратились с просьбой избавиться от мультвишин¹ у ручья Чхонгечхон². Звучит, конечно, сомнительно, но проверить всё равно надо. И я сначала искал ритуал для изгнания, но наткнулся на кое-что в отцовских заметках... Попытался понять, что всё это значит.

Хара нахмурилась. В детстве отец казался ей загадочным человеком. С одной стороны, он был уважаемым историком и знатоком древних верований, много времени проводил в экспедициях по корейской глубинке и собирал старые легенды о духах, демонах и мундан³. С другой стороны, дома он редко говорил о сво-

¹ Водный дух, призрак утопленника (кор.).

² Ручей в центре Сеула.

³ Шаман, шаманка (кор.).

ей работе. Хара помнила, когда они с Дохёном стали старше, отец запирался в кабинете до самого рассвета, не разрешая никому входить. Никому, кроме Дохёна. Хару же в тайну семьи посвятили значительно позже.

— Нашёл что-то важное? — спросила она, украдкой вглядываясь в страницы. Большинство заметок были сделаны на корейском, но кое-где виднелись китайские иероглифы, где-то японские или нечто, напоминавшее старинные символы, которые Хара прежде видела лишь в музеях.

— Возможно, — Дохён вздохнул и бережно отложил очередной свиток. — Пока я не до конца понимаю, о чём именно писал отец. Но упоминается какой-то ритуал, связанный с призывом духов, и... — Он запнулся, словно решал, стоит ли продолжать. — И что-то о людях, обладающих «проклятой кровью». Не знаю. Хочу съездить к Сонджу. Может, она в курсе, о чём речь.

— Думаешь, она поможет?

— Ну, иногда же помогает.

— В том-то и дело, что иногда. — Хара повела плечами, взяла бутылку и, открутив крышку, сделала несколько жадных глотков, потом вытерла губы. — Интересно, откуда отец узнал это?

— Может, на охоте, а может, из старых летописей, которые переводил, — ответил Дохён. Он ссутулился и потёр шею рукой, словно пытаясь избавиться от нарастающего напряжения. — Я помню, он часто говорил о том, что официальная история — это лишь верхушка айсберга, и что в глубинах мифов кроются тайны, способные перевернуть наше представление о мире.